

Толстяк при виде этого пригожего юноши тут же ощутил неладное.

— Вот именно, в усадьбе ведь больной человек! — проворчал он, скривив губы. Но в тот же миг увидел, что та самая больная, о которой он говорил, опираясь на трость, бодро, словно на крыльях, приближается к ним. Её няньки растолкали толпу девиц, и старейшина рода Ма остановилась прямо перед юношей:

— Господин Цинь, не желаете ли вы взять мою правнучку в ученицы?

Все вокруг словно лишились чувств. Ма Цзяонян замерла в изумлении:

— Бабушка, разве ты не при смерти? — она чувствовала себя обманутой.

Старейшина бросила на неё косой взгляд:

— Если бы я не сказала, что при смерти, ты бы вернулась? — ответив так, она вновь повернулась к господину Цинь, глядя на него с мольбой.

Господин Цинь ничего не ответил. Он лишь сложил руки в приветственном жесте, опустил на землю посреди двора и положил цинь себе на колени. В ту же секунду зазвучала чарующая мелодия. Люди вокруг то радовались, то проливали слезы, их чувствами всецело управляли звуки музыки. Лишь когда мелодия стихла и господин Цинь поднялся, закинув инструмент за спину, кто-то наконец очнулся:

— Господин Цинь, к кому вы отправитесь завтра?

— В дом Цюй, — бросил он и удалился. Толпа принялась обсуждать только что услышанное, и когда толстяк опустил голову, то заметил, что Линь Юэ исчезла.

А в это время Линь Юэ преградила господину Цинь путь на заднем дворе. Она со сложным чувством смотрела на мужчину перед собой. Она никак не ожидала, что её будущий наставник окажется столь молод. Но в тот миг, когда зазвучала музыка и её сердце отозвалось на каждый звук, она поняла: это именно тот, кого она искала, тот, у кого она хочет учиться.

— Наставник, прошу, примите мой поклон, — она с глубоким почтением поклонилась.

Лицо мужчины оставалось бесстрастным.

— Слишком мала.

Видя, что он собирается уйти, Линь Юэ стиснула зубы и продолжила бить поклоны:

— Прощу, наставник, примите меня!

Мужчина шел, а Линь Юэ следовала за ним на коленях, каждые три шага опускаясь в земном поклоне. Наконец он остановился:

— Три года. Если через три года мы встретимся вновь, я стану твоим наставником.

Сказав это, он применил Цингун и исчез за углом переулочка. Линь Юэ осталась стоять на

коленях, оцепенело глядя в небо.

Когда Линь Юэ поднялась и обернулась, она увидела неподалеку Чжу Фугуя с мрачным, как грозовая туча, лицом. Она невольно струсила. Ей хотелось объясниться, но так как он еще ничего не спросил, она тешила себя надеждой, что он ничего не слышал. От этой мысли она замялась.

— Ах ты, непутевое дитя! — Чжу Фугуй все-таки подошел и отвесил Линь Юэ щелчок по лбу. — Отец только зазевался, а ты уже сгинула! Мать теперь меня живьем съест...

Увидев, что Чжу Фугуй, похоже, ничего не слышал, Линь Юэ, улучив момент, когда он перевел дыхание от своей тирады, жалобно пролепетала:

— Папа... я проголодалась... — её детский голосок на фоне его басистого, полного жизни голоса звучал совсем как писк цыпленка.

Но Чжу Фугуй каким-то чудом услышал её. Он подхватил Линь Юэ на руки.

— Ну что за непутевое дитя! Убежала играть и свалилась, у кого только такой глупости набралась, — ворчал он, бережно стирая грязь с её лба.

Этот жест словно теплым потоком согрел сердце Линь Юэ. Она чуть шевельнула губами и быстро прижалась головой к плечу Чжу Фугуя. Он наверняка всё видел, просто молчит, подумала она, чувствуя одновременно стыд и горечь.

Чжу Фугуй почувствовал влагу на своем плече, и в его твердом взгляде мелькнула жалость. Ребенок рос нищим и никогда не знал тепла. Он понимал стремление дочки изучать боевые искусства, но видеть, как она унижается перед кем-то, было больно. В пять лет он сам был беззаботным ребенком, окруженным любовью всей семьи. От этой мысли он прижал Линь Юэ к себе еще крепче.

— Что с ребенком? — Ма Цзянян, видя необычное состояние Линь Юэ, взволнованно подошла ближе.

Линь Юэ уже перестала плакать, но от заботливого тона Ма Цзянян слезы вновь покатались из глаз. Она протянула руки:

— Мама... больно... — её голос звучал невероятно жалко.

— Тише, моя крошка, не больно, не больно. — Ма Цзянян забрала Линь Юэ из рук Чжу Фугуя и, поглаживая её по спине, принялась отчитывать мужа: — Я же просила тебя присмотреть за Юэ-эр, как ты допустил, что она упала?

— Жена, я виноват, — смиренно признал Чжу Фугуй. Он уже усвоил правило: признаешь вину — гнев жены утихнет, будешь упираться — проблема только разрастется.

— Хм! — фыркнула Ма Цзянян и продолжила утешать свою любимицу.

— Цзяонян, это и есть ребенок твой и Чжу Фугуя? — подошла старейшина, щурясь от слабого зрения.

Ма Цзяонян поспешно опустила ребенка на землю:

— Да, бабушка. — Она опустила взгляд и шепнула Линь Юэ: — Юэ-эр, поздоровайся.

— Прабабушка... — звонко воскликнула Линь Юэ и бросилась к ногам старушки.

Старушка всю жизнь мечтала о большой семье, а Линь Юэ была самой младшей из её потомков. Услышав этот детский голос, она тут же оттаяла:

— Ох, — она взяла Линь Юэ на руки и посадила к себе на колени. — Как тебя зовут?

Сердце Ма Цзяонян сжалось от страха, что Линь Юэ проговорится и раскроет правду.

— Прабабушка, меня зовут Чжу Юэ, вы можете звать меня Юэ-эр или маленькая Юэ-эр, — Линь Юэ подняла личико и мило улыбнулась.

— Ох, какая умница, — старейшина нежно поцеловала её в щеку. — Посмотри, какая бедняжка, должно быть, сильно ушиблась. Фужун, принеси мазь Юйхуа! — велела она своей служанке.

— Бабушка, нельзя! — воскликнула Ма Цзяонян. Мазь Юйхуа была императорским подарком, в столице мало кто удостоивался такой чести. Линь Юэ была еще совсем крохой, Ма Цзяонян боялась, что такая роскошь ей не по чину.

— Разве я тебе её даю? — нахмурилась старейшина. — Я даю её своей любимой правнучке. — Она погладила ребенка по лицу. — Раз уж вернулись, оставайтесь до конца года.

Позже Линь Юэ узнала, что обе семьи все эти годы потворствовали их побегу, надеясь, что скандал с Ма Цзяонян уляжется. Они немало сил потратили на то, чтобы проучить бывшего мужа Ма Цзяонян, и безуспешно: тот из прославленного столичного таланта превратился в настоящего подонка.

Наступил праздник фонарей. Линь Юэ, наряженная Ма Цзяонян маленьким золотым мальчиком, впервые оказалась на настоящем уличном гулянье. Всюду висели яркие фонари. Когда Ма Цзяонян остановилась у прилавка, Чжу Фугуй тут же приготовил кошелек, и супруги, засучив рукава, приготовились торговаться. Внезапно раздался крик, нарушивший веселье. Линь Юэ обернулась и увидела обезумевшую лошадь, несущуюся прямо на них. Неподалеку женщина с младенцем на руках споткнулась о камень, и сверток с ребенком полетел прямо в сторону Линь Юэ. Словно повинаясь инстинкту, она бросилась вперед и, упав на землю, крепко прижала ребенка к себе.

Младенец громко заплакал. Линь Юэ взглянула на него:

— Как хорошо... — прошептала она. — К счастью, Тинтин, ты в порядке... — подумала она, и перед глазами всё потемнело.

Очнувшись в усадьбе Ма, она расспросила служанку, где Ма Цзяонян, и отправилась к ней. Войдя в комнату, она увидела ту самую женщину, которая горячо благодарила Ма Цзяонян:

— Огромное спасибо вашему сыну! Если бы не он, моя дочь могла бы погибнуть.

Ма Цзяонян как раз собиралась объяснить, что Линь Юэ — не мальчик, но увидела вошедшую дочь:

— Юэ-эр, ты очнулась? — она с тревогой обняла её. Будь её воля, она бы запретила дочери так рисковать, но при госте она не могла её отчитать, лишь бросила на Линь Юэ строгий взгляд.

Линь Юэ показала ей язык:

— Тетушка, можно посмотреть на ребенка?.. — она подошла к спящей Бэй Тинтин. — Тетушка, почему малышка всё еще спит?

— Ха-ха, ты в детстве был таким же, — женщина, видя, что ребенок не только спас её дочь, но и сам по себе очень приятный, прониклась к нему симпатией. — Маленький господин, тебе нравится малышка?

— Нравится! — громко ответила Линь Юэ. И вдруг в её голове промелькнула мысль... неужели...

— Тетушка отдаст малышку тебе в жены, хочешь? — женщина протянула сверток в сторону Линь Юэ.

— Это невозможно... — поспешно отказалась Ма Цзяонян. — Мой ребенок просто оказался в нужном месте, к тому же...

Линь Юэ прервала её:

— Тетушка, а что значит отдать в жены?

— Это значит, когда ты вырастешь, ты возьмешь малышку в жены, — женщина смотрела на Линь Юэ с такой любовью, словно уже видела в ней зятя.

— Хорошо! Когда вырасту, я женюсь на малышке! — Линь Юэ сняла с пояса нефритовую подвеску: — Это наша семейная реликвия, малышка, возьми её.

Ма Цзяонян вытаращила глаза: эта подвеска была подарком старейшины, когда это она стала семейной реликвией? Она протянула руку, чтобы остановить дочь, но увидела, что женщина с довольным видом сняла с головы заколку из панциря черепахи и протянула её Линь Юэ:

— Эта заколка — наша семейная реликвия. Пусть она будет залогом. Когда придет время, укрась ею волосы малышки.

Ма Цзяонян чувствовала себя совершенно измотанной.

— Сестренка, на самом деле... — начала было она.

— Поздно уже, если не уйти сейчас, ворота закроют, — женщина грациозно поднялась. — Юэ-эр, я пришлю малышку к тебе.

Ма Цзяонян решила, что раз та уезжает из города и вряд ли вернется, можно считать это просто обменом подарками. В крайнем случае, потом она примет девочку как приемную дочь и даст ей приданое. Линь Юэ же была на седьмом небе от счастья: стать законной невестой Тинтин — такой шанс она точно не упустит.

Когда гостя ушла, Ма Цзяонян ущипнула Линь Юэ за щеку:

— Как ты могла на всё согласиться! Разве можно так поступать?

— А почему нельзя? — Линь Юэ невинно захлопала глазами.

— Женщина не может жениться на женщине, понимаешь?

— Почему? — Линь Юэ склонила голову набок.

— Одинокий инь не порождает, одинокий ян не растет... — Ма Цзяонян хлопнула себя по лбу.

— Ох, что я несу, всё равно ты не поймешь. В общем, когда вырастешь, не смей на ней жениться.

— Но я же обещал тетушке, — упрямо ответила Линь Юэ.

Ночью, когда вернулся Чжу Фугуй, Ма Цзяонян пожаловалась ему:

— Заколка из панциря черепахи? — он нахмурился. — Где она?

— У Юэ-эр, она даже побоялась, что я её присвою, сказала, что одолжила мне лишь на одну ночь.

Чжу Фугуй взял заколку и внимательно осмотрел её:

— Завтра верни Юэ-эр, — его голос стал серьезным. — Пусть дела следующего поколения они решают сами.

— Фугуй, что с тобой? — Ма Цзяонян была в полном недоумении.

— Эта работа напоминает стиль Си Ся, — задумчиво произнес он. — Впрочем, неважно, до этого еще десять лет.

Линь Юэ была в восторге. Она всюду следовала за старейшиной и Ма Цзяонян, и если в какой-то усадьбе был господин Цинь, она неизменно оказывалась рядом. Она слышала, что господин Цинь ищет ученика, но либо родители не отпускали детей, либо он сам не находил их достойными, что его сильно раздражало.

— Господин Цинь, к кому вы отправитесь завтра? — спросил кто-то после игры.

— Завтра я покидаю столицу, — холодно ответил он, убирая цинь.

По толпе пронесся стон, но никто не посмел его задержать. Господин Цинь был учителем самого императора в течение месяца, но император проиграл спор, не сумев достичь уровня мастерства, который требовал учитель, и был вынужден отпустить его.

Линь Юэ бросилась в погоню:

— Наставник, вы обещали подождать три года!

Господин Цинь обернулся и встретился с решительным взглядом ребенка. Он вздохнул:

— Три года. Если встретимся вновь — я стану твоим наставником.

Линь Юэ сжала кулаки. Она стала на шаг ближе к цели. Раз он заговорил с ней, значит, запомнил. За эти три года она приложит все усилия!

Время летело быстро. За эти годы Чжу Фугуй с семьей вернулся в Цзяннань, к делам своего рода. Полгода назад мать Бэй Тинтин скончалась, и перед смертью велела привезти дочь к ним. Нянька Бэй Тинтин настояла на том, чтобы девочка осталась у них, ссылаясь на предсмертную волю госпожи:

— Госпожа велела, чтобы малышка вышла замуж за господина Юэ. Вы не можете нарушить слово.

— Но послушайте, Юэ-эр — девочка, как же это возможно? — вздыхала Ма Цзяоян.

Нянька замерла, но после промолчала, делая вид, что ничего не слышала. В конце концов, Ма Цзяоян пришлось уступить:

— Мы не откажемся от обещания, но если Тинтин, когда вырастет, полюбит кого-то другого, помолвка будет расторгнута.

Нянька согласилась.

Линь Юэ облегченно вздохнула. Тинтин никого, кроме неё, не полюбит. Через пару месяцев истекал срок в три года, она станет ученицей господина Цинь и заберет Тинтин с собой.

В день, когда Линь Юэ закончила играть на цине, она открыла глаза и увидела перед собой того, кого так долго ждала. В его обычно равнодушном взгляде мелькнуло одобрение.

— Наставник, вы пришли.

— Да, — ответил он. — Собирай вещи, завтра встретимся у городских ворот.

Линь Юэ хитро улыбнулась и пошла к няньке Тинтин.

На следующий день господин Цинь обнаружил, что его ученица пришла не одна, а с «приданным».

— Верни их, — сказал он.

— Нет! Наставник должен заботиться об учениках, это моя будущая жена, а если её кто-нибудь уведет? — с достоинством заявила Линь Юэ.

— Ты ведь женщина, — заметил он.

— И что с того? Кто сказал, что женщина не может быть с женщиной? — Линь Юэ фыркнула.
— А я-то думала, вы — мудрец, которому чужды такие предрассудки...

Господин Цинь не нашелся что ответить. В конце концов, это была всего лишь одна лишняя пара уст — нет, две, да еще и с нянькой. Он махнул рукой и направился к воротам, его спина казалась немного сгорбленной.

А в усадьбе Чжу в это время царил хаос. Ма Цзяонян сжимала в руках записку: «Папа, мама, я ушла странствовать с наставником. Тинтин я забрала, свою жену нужно воспитывать самой. Не волнуйтесь, я буду часто вас навещать». В конце письма был нарисован смеющийся смайлик. Ма Цзяонян в ярости разбила стол:

— Люди! Верните мне мою дочь!

— Стойте, — раздался голос Чжу Фугуя. — Не нужно никого искать. Возвращайтесь.

<http://bllate.org/book/21666/2235478>